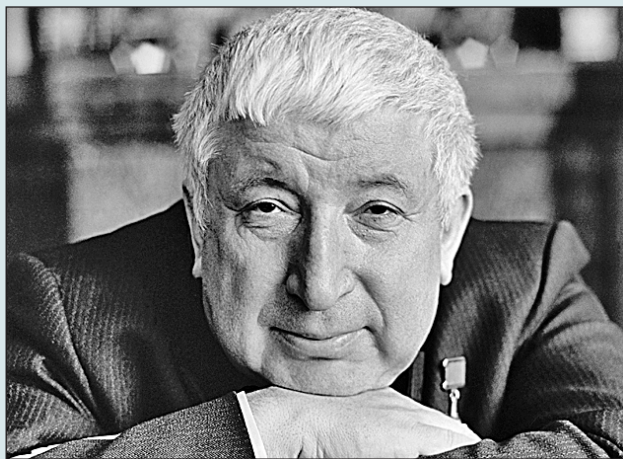

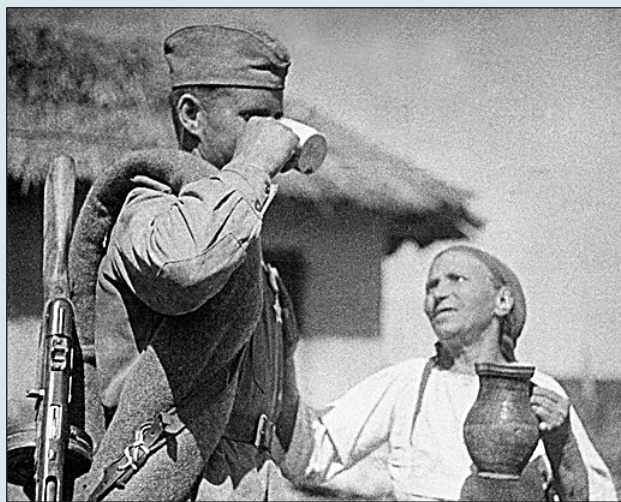
9 МАЯ — ДЕНЬ ПОБЕДЫ»

Расул Гамзатов

Нас двадцать миллионов,
От неизвестных и до знаменитых,
Сразить которых годы не вольны,
Нас двадцать миллионов забытых,
Убитых, не вернувшихся с войны.
Нет, не исчезли мы в крошечном дыме,
Где путь, как на вершину, был не прям.
Еще мы женам снимся молодыми,
И мальчиками снимся матерям.
А в День Победы сходим с пьедесталов,
И в окнах свет покуда не погас,
Мы все от рядовых до генералов
Находимся незримо среди вас.
Есть у войны печальный день начальный,
А в этот день вы радостью пьяны.

Бьет колокол над нами поминальный,
И гул венчальный льется с вышины.
Мы не забылись вековыми снами,
И всякий раз у Вечного огня
Вам долг велит советоваться с нами,
Как бы в раздумье головы клоня.
И пусть не покидает вас забота
Знать волю не вернувшихся с войны,
И перед награждением кого-то
И перед осуждением вины.
Все то, что мы в окопах защищали
Иль возвращали, кинувшись в прорыв,
Беречь и защищать вам завещали,
Единственные жизни положив.
Как на медальях, после нас отлитых,
Мы все перед Отечеством равны
Нас двадцать миллионов забытых,
Убитых, не вернувшихся с войны.
Где в облаках зияет шрам наскальный,
В любом часу от солнца до луны
Бьет колокол над нами поминальный
И гул венчальный льется с вышины.
И хоть списали нас военкоматы,
Но недругу придется взять в расчет,
Что в бой пойдут и мертвые солдаты,
Когда живых тревога призывает.
Будь отвратима, адова година.
Но мы готовы на передовой,
Воскреснув, вновь погибнуть до едина,
Чтоб не погиб там ни один живой.
И вы должны, о многом беспокоясь,
Пред злом ни шагу не подавшись вспять,
На нашу незапятнанную совесть
Достойное равенство держать.
Живите долго, праведно живите,
Стремясь весь мир к братству сопричь,
И никакой из наций не хулите,
Храня в зените собственную честь.
Каких имен нет на могильных плитах!
Их всех племен оставили сыны.
Нас двадцать миллионов забытых,
Убитых, не вернувшихся с войны.
Падучих звезд мерцает зов сигнальный,
А ветки ив плакучих склонены.
Бьет колокол над нами поминальный,
И гул венчальный льется с вышины.

Константин Симонов

Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди,
Как слезы они вытирали украдкой,
Как вслед нам шептали: «Господь вас спаси!»
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.
Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,
Как будто за каждой русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.
Ты знаешь, наверное, все-таки Родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.
Не знаю, как ты, а меня с деревенской
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовой слезой и с песней женской
Впервые война на проселках свела.
Ты помнишь, Алеша: изба под Борисовом,
По мертвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.
Ну что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьем,
Ты помнишь, старуха сказала: «Родимые,
Покуда идите, мы вас подождем.
«Мы вас подождем!» — говорили нам пажити.
«Мы вас подождем!» — говорили леса.
Ты знаешь, Алеша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.
По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирали товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.
Нас пули с тобою пока еще милуют.
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился,
За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

1941г.

Юность, опаленная войной

Нина Климанова

Моя мама, Мария Дмитриевна Ларенкова, или, как ее тогда называли, Маша, родилась 1 сентября 1925 года под Смоленском, в Издешковском районе. В 1935 году их семья переехала в Москву. Жили они на Войковской, в небольшом домике, как раз во дворе дома, где сейчас находится магазин Карло Пазолини. Училась Маша в школе №201, в той самой школе, где учились будущие Герои Советского Союза Зоя и Александр Космодемьянские. Зоя, по рассказам мамы, очень выделялась среди учеников, чувствовалось в ней что-то особенное, она всегда была лидером среди своих школьных товарищей.

Затем наступил тяжелый 1941 год. 22 июня моей маме было всего 15 лет, а к 1 сентября исполнилось — шестнадцать. Когда гитлеровские войска подступали к Москве, мама, как и многие ее сверстники, оставив учебу в школе, пошла работать на военный завод №41.

Немцы рвались к Москве. Начали бомбить город и его окраины. В один из таких фашистских налетов немец-

кая бомба упала рядом с их домом, где в это время находилась Маша, ее сестра и их мачеха. По какой-то случайной случайности все они остались живы. Приехавшие пожарные вытаскивали их из-под завалов. Девушкам пришлось коротко остричь волосы, опаленные огнем. Домашней живности повезло меньше: всем курам снесло головы, погиб любимый кот. Семью переселили в соседний двухэтажный деревянный домик, выделив в нем две комнаты...

Осенью 1941 года немцы были совсем близко к Москве. Маша и ее подруги — совсем девчонки, рыли окопы. Однажды, собрав девушек на заводе, их отправили выстраивать заграждения к Волоколамску. При переезде они попали под такую бомбежку, что земля горела под ногами, было очень страшно. Девушкам удалось лесом выйти к военной части Красной Армии — там и остались помогать, чем могли: стирали форму солдатам, штопали одежду, рубили деревья для хозяйственных нужд. Как рассказывала мама, был тогда в ее жизни и такой непростой случай. Однажды, она вышла из воинской части, пошла в лес за

хворостом и неожиданно в лесу нарвалась на немецкого парашютиста — разведчика, который, завидев юную девушку, стал махать руками и кричать

«Guten Tag, Frau». Услышав немецкую речь, она не растерялась, повернулась и со всех ног бросилась бежать с такой скоростью, с какой не бежала никогда. Немец бросился за ней, что-то крича по-немецки и стреляя в воздух. Маша бежала в сторону своей военной части. Подбежав, она крикнула караульному: «Немец!». Наши бойцы захватили немецкого парашютиста в плен. Вечером бесстрашную девушку вызвал к себе командир отряда и поблагодарил за храбрый поступок. Наградили ее тогда вкусным ужином: дали сгущенки, печенья, карамельных конфет.

Осень и зима 1941-1942 годов, особенно когда были бои под Волоколамском, — были трудным временем, оставившим нелегкие воспоминания на всю жизнь: девушка видела много смертей, выносила с поля боя раненых и вывозила их в госпиталь в Москву. Так проходила военная молодость.

Затем снова — Москва, работа на заводе №41. Моя мама помогала Родине, как могла, как и все советские люди, она работала, не жалея сил, чтобы настал долгожданный день Победы.